

с воз...», «Борода с ворота...», «Борода с посконное повесмо» и др.), но теперь это борода — «помело» сатаны («Ода Трессотину», «О страх!», «Суд бородам»); данная деталь в ряду с другими оформляет одну из новых тем сатирических стихов — ярость церковников, вызванную «Гимном бороде». Для сатирического изображения сатанинской злобы мракобесов Ломоносов использует (см. «О страх!...», «Суд бородам») другой мотив русских пословиц — усов и бороды: сатану дернули за бороду, и потому его усы «наполнены» «огнем» («усок дьявольский» — в пословице); бородами, сплетенными в сеть, церковники изловят, а усами, свитыми в плеть, засекут «брадоборца», врага церкви, т. е. Ломоносова.

В сатире «О страх!...» Ломоносов развивает сравнение попов с козлами («Козлята малые рождаются с бородами / Коль много почтены они перед попами» и т. д.).³⁴ Этот мотив имеет основу в народных пословицах, сравнивающих бородатых людей с козлами, в речениях, которые входили в язык быта, в обиход (например, «козлиная борода»). Но в ломоносовской сатире мотив попов и козлов чреват «кощунством», — направленный против духовенства, он служит намеком на то, что борода не «удостоена» «таинств святого крещения»; ломоносовский стих о козлах и попах прямо связан по смыслу с припевом о «некрещенной бороде» (в «Гимне»). Продолжая один из мотивов «Гимна» — «удобренной», «унавоженой бороды», сатира «О страх!...» изображает «тучную бороду», ставшую обиталищем «премножества площади...». На аналогичном мотиве — заселенной «живностью» бороды — строится лубочный анекдот «Ералаш и молодича».³⁵

Однако в ломоносовском произведении «О страх!...» та же натуралистическая деталь используется как элемент острой антиклерикальной сатиры: попы уподобляются площадим, а заселенная площадьми борода — земле. Площадицы «меж собой как люди рассуждают, / Других с площадьми бород не признают...» Так же, как попы считают, что не существует других планет, кроме земли, так и площадицы «признают» существующей только ту бороду, которая является их жилищем. Малозначащая деталь, пришедшая из какого-нибудь народного анекдота, из «обиходной», «сниженной» речи, развернута в пародию на церковную космогонию. Таким образом, сатира «О страх!...» про-

³⁴ В доносе Синода на Ломоносова было сказано. «Между многими явными духовному чину ругательствы, б. разумных козлят далеко почтеннейшими, нежели попов, ставит. А при конце точно их назвавши козлами...» и т. д. (М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 186, втор. пагин.).

³⁵ Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I, стр. 438—439.